

УДК: 947:088(571.64) (=957)

Корейская диаспора Сахалинской области: конфликты групп и столкновения идентичностей

Юлия Ивановна Дин,
аспирант Сахалинского государствен-
ного университета, Южно-Сахалинск.
E-mail: din.iuliia@gmail.com

Формирование современной корейской диаспоры в Сахалинской области происходило в условиях слияния разных групп корейцев, каждая из которых имела чётко выраженную идентичность. Цель данной статьи — исследовать одну из узловых проблем в жизни сахалинских корейцев: взаимоотношения внутри сахалинской корейской общины, которые были омрачены соперничеством, конфликтами и личной неприязнью. Понимание сути и деталей изучаемой проблемы — ключ к её решению.

Ключевые слова: корейская диаспора, Сахалин, идентичность, повседневная жизнь, взаимоотношения.

The Korean diaspora in Sakhalin region: contradictions among the groups and the collision of identities.

Yuliya Din, postgraduate student of Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk.

The formation of modern Korean diaspora in Sakhalin region occurred in the environment of amalgamation of different groups of the Koreans with each of these having a distinct identity. The purpose of this article is to explore one of the main problems of the Koreans' life in Sakhalin: relationships within Sakhalin Korean community that were oppressed because of rivalry, conflicts and personal dislike. Comprehension of the substance and details of the problem being studied is the key to its solution.

Key words: the Korean diaspora, Sakhalin, identity, daily life, relationships.

Формирование современной корейской диаспоры на Сахалине, начавшееся в 1910-х гг., проходило в условиях слияния разных групп корейцев, сначала в составе губернаторства Карафуто Японской империи, затем в Сахалинской области СССР, и с 1991 г. — новой России. Каждая из групп, составлявших корейскую общину, имела чётко выраженную идентичность и естественным образом стремилась к её сохранению и воспроизводству. Диаспора прошла долгий и трудный путь интеграции сначала в японское, а затем в советское общество. Перед корейцами вставали проблемы полного незнания языка, отсутствия гражданства, сложности получения престижных профессий, рабочих мест и т.д.

Остановимся подробнее на советских страницах истории корейской общины островного края. У многих корейцев непросто складывались отношения с русским населением, но особенно сложно давались попытки войти в советское общество при сохранении традиционного уклада жизни и национальной культуры. После поражения Японии во Второй мировой войне возвращение на историческую родину оказалось недостижимым. Одновременно, пожалуй, одним из наиболее сложных оказался вопрос взаимоотношений между несколькими группами, составляющими сахалинскую корейскую диаспору и имеющими собственную идентичность. Наша статья посвящена этому вопросу, наши суждения основываются на результатах полевых исследований — в первую очередь, интервью, взятых автором у корейцев Сахалинской области в 2009—10 гг.¹, и подкрепляются материалами, собранными в российских архивах.

Существует ряд исследований, раскрывающих разнообразные аспекты функционирования локальных этнических групп. Отметим монографию А.И. Пальцева о сибиряках [15], работы Д.Д. Трегубовой о локальных группах бурят [19] и А.В. Сопова о казачестве юга России [17]. Типичные стадии конфликта малых этнических и больших национальных групп в составе многонационального государства исследуются в монографии Г. Старовойтова: приводятся примеры конфликтов на территории России, Грузии, Украины (Крым), в Нагорном Карабахе и др. [18]. Многочисленные этнические конфликты на примере черкесской диаспоры в арабских странах описывает А.В. Кушхабиев [13]. Исследователь В.А. Аксентьев [7] изучает историю и представляет типологию этнических конфликтов. Из-за ограниченного числа учёных, непосредственно занимающихся вопросами истории сахалинских корейцев, этот вопрос довольно редко поднимается в научной литературе. Тем не менее существует некоторое количество работ, где в той или иной степени затрагиваются тема отдельных групп в сахалинской корейской диаспоре и вопросы отношений между ними.

Например, Пак Хен Чжу (автор «Репортажа с Сахалина» — книги-сборника воспоминаний о событиях тех лет) упоминает о внутренних противоречиях в корейской общине и делит корейское население Сахалинской области на три группы. Эти группы именуются «сондюмин», «кхынтанбэги» и «пхагеномдя»², — и критериями выделения служат, во-первых, обстоятельства, при которых представители данной группы (или их предки) прибыли на Сахалин, во-вторых, особенности диалекта

¹ Ссылки на интервью даны в следующем виде: [*Первая буква имени*], *пол*, *год рождения*, *место проведения интервью*, *дата проведения интервью*.

² *Сондюмин* (искаж. *сончумин*) — ‘люди, приехавшие первыми’, ‘местные жители’; *кхынтанбэги* (искаж. *кхынттанбэки*) — ‘пришедшие с большой земли’, ‘материковские корейцы’; *пхагеномдя* (искаж. *пхагённомуча*) — ‘присланные чернорабочие’, ‘северокорейцы’. Всё это искажённые диалектные произношения, активно использовавшиеся на Сахалине в корейской бытовой среде.

и фенотип. Пак Хен Чжу также отмечает напряжённые отношения, существовавшие между «сондюмин» и «кхынтанбэги».

Автор книги «Корейцы на Сахалине» Бок Зи Коу в целом принимает деление Пак Хен Чжу. В то же время он говорит о том, что не следует излишне акцентировать внимание на особенностях разных групп сахалинской корейской общины, так как в своей основе корейцы — единая нация [8]. Исследователь А. Т. Кузин также отмечает напряжённые отношения между различными группами корейцев, связывая это с разными статусами этих групп [10; 12].

Чтобы понять обстоятельства, при которых существовали отдельные группы в составе сахалинской корейской диаспоры, необходимо напомнить о том, как она возникла. Самая большая группа сахалинской корейской диаспоры — это так называемые «местные жители», то есть корейцы, приехавшие на Сахалин в 1910—45 гг., когда Корейский полуостров и южная часть Сахалина (носившая название *губернаторство Карафуто*) входили в состав Японской империи.

На первых этапах заселение острова шло медленно — к 1920 г. корейцев на Карафуто насчитывалось всего 934 чел., большинство из них приехало на заработки [3, л. 20—21]. Однако после начала Второй мировой войны японские власти приняли решение начать в Корее трудовую мобилизацию, с тем чтобы восполнить недостаток рабочих рук в разных отраслях промышленности в метрополии и колониях. Кроме того, более высокая заработная плата в угольной промышленности Сахалина также привлекала мигрантов из Кореи. В силу этих причин корейское население Карафуто в конце 1930-х гг. стало стремительно увеличиваться и к 1944 г. достигло 26 825 чел., из них 18 213 мужчин и 7552 женщины [21, с. 166].

По итогам Второй мировой войны и согласно решениям Ялтинской конференции 1945 г. южная часть Сахалина и Курильские острова (входившие в состав губернаторства Хоккайдо) передавались Советскому Союзу. Объявив войну Японии 8 августа 1945 г., СССР присоединился к боевым действиям своих союзников по антигитлеровской коалиции на тихоокеанском направлении. 2 сентября 1945 г. Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции, и Японская колониальная империя прекратила существование. На приобретённых Советским Союзом территориях (в 1947 г. на них была создана Сахалинская область РСФСР) проживало население, большую часть которого составляли японцы и корейцы. Согласно международному соглашению с США, японское гражданское население и военнопленные (280 638 чел.) были репатриированы в Японию в 1946—1949 гг. [16, с. 258]. Проведённая в 1946 г. советской администрацией регистрация населения показала, что на тот момент на Сахалине насчитывалось 24 774 корейца [2, л. 45]. Репатриация корейского населения (которая могла стать закономерным актом на фоне репатриации японцев) столкнулась с немалыми трудностями. Из архивных документов

становится ясно, что сначала советские власти были готовы рассмотреть вопрос о репатриации сахалинских корейцев в Северную Корею. Проведение репатриации не составляло больших организационных и финансовых проблем, и, как выразился по этому поводу полковник Гаврилов 26 декабря 1947 г., «задержка 23 000 корейцев, как рабочей силы, для нас погоды не делает, а репатриация их в Северную Корею крайне целесообразна» [1, л. 416].

Проходившая в 1946—1949 гг. репатриация японского населения с территории Сахалина и Курильских островов привела к острой нехватке рабочих рук в промышленности островов. Уже в 1948 г. руководители сахалинских предприятий обратились в Совет Министров СССР с просьбой отсрочить репатриацию корейцев как минимум до осени 1948 г. Совет Министров согласился, при этом решено было материально заинтересовать корейских рабочих оставаться на советских предприятиях [6, л. 1—2]. Проблема с дефицитом рабочей силы была в общем решена к началу 1950-х годов, но к тому времени уже шла Корейская война, которая сделала репатриацию невозможной.

Кроме того, следует иметь в виду, что большая часть сахалинской корейской диаспоры состояла из выходцев с южной части Корейского полуострова (ставшей в 1948 г. Республикой Корея), которая не только долгое время оставалась в сфере влияния Соединённых Штатов, но не имела до 1990 г. с СССР никаких дипломатических отношений. В условиях холодной войны и интенсивного политико-идеологического противостояния СССР не мог позволить массовый выезд своих жителей (пусть и не являющихся формально гражданами СССР) на территорию, контролируемую главным идеологическим противником. Несостоявшиеся корейские репатрианты и их потомки составляют теперь ядро сахалинской корейской диаспоры. Именно этой группе предстояло найти себя в условиях советского строя и стать наиболее многочисленной из трёх групп сахалинской общины. Однако формирование корейской диаспоры Сахалина продолжалось и после 1945 г. Две группы: так называемые «северокорейцы» и «материковские корейцы», — пополнили сахалинскую общину, а также должны были тесно взаимодействовать с основной, более многочисленной, группой.

В условиях, когда этнические японцы — основное население Сахалина до 1945 г. — были отправлены в Японию, началось переселение на остров населения материковой части СССР. Однако развитая промышленность острова требовала большего количества рабочих рук. Поэтому по соглашению с властями Северной Кореи было принято решение о найме северокорейских рабочих для работы в рыбной, лесной, угольной промышленности. В 1946—1949 гг. по трудовым договорам на Сахалин приехало 26 065 корейцев, а вернулись обратно в северную Корею 14 393 чел. [4, л. 27]. На Сахалине осталось около 11,5 тысяч корейских рабочих. В последующее время они отправлялись на родину по жела-

нию и к 1962 г. их осталось вместе с членами семей 3851 чел. [5, л. 5]. Ещё 715 чел. приняли советское гражданство [5, л. 5].

Таким образом, сахалинская корейская диаспора была пополнена корейцами, приехавшими на остров на заработки (те, кого Пак Хен Чжу с долей презрения именуется «пхагеномдья»). Они значительно отличались от корейцев, которые оказались на Сахалине в период японского правления островом и в большинстве были выходцами из южных провинций Кореи. Выходцы с Севера говорили на другом диалекте, имели иные бытовые привычки и во многом противопоставляли себя ранее присутствовавшим на острове южанам.

Отношение к рабочим из Северной Кореи со стороны уже проживавших в Сахалинской области корейцев было напряжённым. Многие корейцы говорят об этом — как личном опыте взаимоотношений с «северокорейцами», так и опираясь на воспоминания родителей. Часто звучат примерно такие слова: *«Вы знаете, не очень любили северокорейцев тогда. Они ведь приезжали на время, пока у них трудовой договор не истечёт. Вели себя как временщики... Работали не очень хорошо, не берегли общественную собственность. Было видно, что приехали на время, оставаться не будут, ну и отношение к ним было соответствующее»* [27].

«Мы вообще их не любили. И отец наш тоже не любил, называл их пальгени³ — красные, типа, очень не любил их. Запрещали с ними дело иметь...» [23].

«Да, отношения были очень плохие, если собираться вместе — так обязательно драка. Сильно друг друга не любили. Я думаю, это от разделения Севера и Юга. Отец говорил, что ещё даже до войны разница была между ними. Север — промышленный район, юг — в основном сельское хозяйство, диалекты разные, да и вообще... особенно когда война случилась» [22].

«Не очень были отношения хорошие. Льготы у них были как у переселенцев, 10% к зарплате каждый год, отпускные и т.д. А мы же не переселенцы — нам ничего не было, мы работали одинаково, а они больше получают — это нам очень обидно было. К тому же война — много мы не слышали, но всё равно слухи доходили, что Южная Корея и Северная — что война там. А мы же с южной части, вот с этими — с севера — всё время и спорили, часто и до драки доходило» [28].

Тем не менее, хотя многие информанты соглашались с тем, что отношения между «северокорейцами» и «местными жителями» были напряжёнными, некоторые считали, что трения были умеренными: *«Их не очень много было... Они приезжали на какой-то срок — потом надо же обратно ехать. Что-нибудь здесь натворят, в тюрьму садятся специально. Не хотели уезжать. Говорят, плохо в КНДР было очень жить. И разделение между нами и ими, конечно, было, не так чтобы очень, но было что-то такое»* [24].

³ *Пальгени (пальгэни)* — ‘красный’, презрительное наименование выходцев из коммунистической КНДР.

Негативное влияние на отношение к «северокорейцам» с конца 1950-х гг. стала оказывать и политика северокорейского правительства по отношению к корейцам Сахалина. В 1950-х гг. Генеральное консульство КНДР в г. Находка Приморского края начинает работу на Сахалине. Агитация и активная деятельность работников консульства на начальном этапе имели большое влияние на сахалинскую корейскую общину. Многие из «местных» корейцев принимали гражданство КНДР, а некоторое количество корейской молодёжи уехало в Северную Корею на постоянное место жительства.

Однако вслед за коротким периодом иллюзий наступило разочарование в северокорейских реалиях и политике КНДР. Северокорейские дипломаты требовали от сахалинских корейцев, трудившихся на советских предприятиях, сообщать «родине» о последних производственных новинках и технологиях, фактически вовлекая их в промышленный шпионаж. Во многом такие попытки были вызваны успехом, которого в середине 1950-х гг. добились северокорейские власти, создав в Японии *Чхонрён* — ассоциацию этнических корейцев Японии. На протяжении нескольких десятилетий эта ассоциация доминировала в корейской общине Японии и фактически создала там «государство в государстве», со своими школами, кредитными центрами, культурными и спортивными группами [20]. Кроме того, по линии Чхонрёна около 95 тыс. этнических корейцев Японии выехали в КНДР (а в перспективе официальной целью Чхонрёна считалась репатриация в КНДР всех этнических корейцев Японии). Учитывая немалое сходство истории корейских общин Сахалина и Японских островов, неудивительно, что достигнутый в Японии успех северокорейские власти попытались повторить и на Сахалине. Впрочем, попытки создать эффективную и независимую от властей организацию окончились неудачей. Руководство СССР относилось к таким попыткам негативно, и, как можно предположить, силовые структуры страны решали свои профессиональные задачи быстро и гораздо более эффективно, чем соответствующие органы Японии. Пострадавшей стороной в этом случае оказывались не дипломаты (защищённые иммунитетом), а те, кого последние старались завербовать.

Большие опасения в сахалинской корейской общине вызвал предложенный северокорейской стороной проект создания особого «корейского лагеря», куда планировали изолированно поместить всех корейцев Сахалина. Такой проект был нужен северокорейскому правительству для того, чтобы ускорить репатриацию всех сахалинских корейцев в КНДР — именно она была в те времена конечной целью Пхеньяна [11]. Этот проект не нашёл одобрения у советских властей, а у сахалинских корейцев он не мог не вызвать ничего кроме дополнительных опасений и страхов, поскольку сильно напоминал фашистские концлагеря недавней мировой войны.

К этому можно добавить, что вести, приходившие по разным каналам от тех, кто уехал с Сахалина на постоянное местожительство в КНДР,

подтверждали, что дела в Северной Корее обстоят крайне неблагоприятно. Это предсказуемо снижало интерес к КНДР в сахалинской диаспоре.

Постепенно отношения между выходцами с Севера и выходцами с Юга выровнялись, в итоге те «северокорейцы», что остались на острове, слились с местным корейским населением. Обуславливается это и относительно небольшой численностью данной группы — как сказано ранее, на Сахалине к 1962 г. «северокорейцев» осталось (вместе с членами семей) меньше 4 тыс. [4, с. 5].

После 1945 г. администрация Сахалина и Курильских островов столкнулась с необходимостью взаимодействовать с большим количеством корейского населения, которое практически не знало русского языка, а также не имело никакой информации о социалистическом строе и основах жизни в Советском Союзе. В этих условиях была задействована помощь с материка. С начала 1860-х гг. и до начала 1920-х гг. в Приморский край России шло переселение большого количества корейцев из северных районов Кореи. В 1937 г. советские власти депортировали всех этнических корейцев советского Дальнего Востока в Среднюю Азию — в основном в Узбекистан и Казахстан. Там они подвергались значительной дискриминации — в частности, ограничивался выезд этнических корейцев за пределы советской Средней Азии.

В условиях некоторой либерализации, наступившей после Второй мировой войны, советских корейцев из Средней Азии стали привлекать для работы на Сахалине. Они приезжали для того, чтобы работать переводчиками, учителями корейских школ, советниками при администрации тех крупных промышленных предприятий, на которых работало большое количество корейцев. Именно эти учителя, переводчики, сотрудники милиции и госбезопасности, партийные работники и составили ещё одну группу этнических корейцев, пополнивших сахалинскую корейскую общину. Они также должны были вести на Сахалине политическую работу — задача, проведение которой неизбежно вело к возникновению конфликтов между «воспитателями» и «воспитуемыми» (тем более, что значительная часть корейцев Сахалина стремилась к возвращению в родные места и — справедливо или нет — воспринимала власти как силу, которая этому возвращению препятствовала).

Похожая политика проводилась советскими властями в странах Прибалтики (Литве, Латвии, Эстонии) после присоединения этих территорий в 1940 г. к СССР. Проводя политику советизации этого региона, ЦК ВКП(б) направил на постоянную партийную и хозяйственную работу латышей, литовцев и эстонцев (коммунистов), давно проживавших на территории СССР. Однако будучи «национальными кадрами» только по принципу этнического происхождения, эти люди значительную часть жизни провели за пределами исторической родины, зачастую плохо знали «родной» язык. Местным населением они воспринимались как «пришлые», «не вполне свои». К тому же низкий уровень компетентности,

злоупотребления и коррупции в рядах этих представителей власти не только не способствовали тем задачам, которые возлагала на них советская власть, но и в известной степени сильно подрывала авторитет коммунистической партии и советского строя [9, с. 145—153]. В случае с Сахалином ситуация не доходила до таких крайностей, но трения между отобранными властью чужаками и местным корейским населением присутствовали.

У многих сахалинских корейцев первого поколения воспоминания о корейцах с материка также были весьма негативными. «Материковских» воспринимали как привилегированных пришельцев, и это не делало их популярными.

«Вон у любого спроси... Так они нас зажимали — эти материковские корейцы. Мы же по-русски не понимали ничего, вот они нас и зажимали, а сами жили. Мы, например, чёрный хлеб ели, а они белый. После войны они нам картошки не выдавали, говорили, чтобы приходили и в очереди стояли. Там полдня стоишь, а они без очереди проходят и у них картошки... вот так они над нами издевались» [25].

«Мы после войны поехали жить в Стародубское — там колхоз был. Материковские корейцы там были все руководители. Они нас замучили, терпеть их не мог я, этих кынтабеди. Они относились к нам, корейцам, как к собакам. Например, там поле было — я капусту там убирал... там листья остаются — они даже не разрешали нам листья забирать. Ничего не давали нам. Потом мой отец — он соревновался с материковскими, корову выиграл. Мы её вырастили, а потом отец захотел уехать в Южно-Сахалинск. Так они у нас всё отобрали — и корову тоже отобрали — и тогда только в Южный мы смогли уехать. Сейчас я бы их всех свёл...» [26].

«Они приезжали, чтоб нас корейскому языку учить — сами неграмотные были из Ташкента или ещё откуда. Мы сейчас понимаем, они учить не могли. Да и по-корейски говорили плохо, а их ещё и начальниками ставили — какой он там начальник, у него образования нет никого, а нами командовали. Потому что они коммунистами все были. Их вообще все ненавидели. С русскими отношения были нормальные, а с этими...» [29].

Обращает на себя внимание тот факт, что почти все респонденты чётко отгораживают свою группу (обычно определяемую как «мы, корейцы») от группы «материковских». Отделение это, как представляется, было даже сильнее, чем отделение от «северокорейских рабочих».

«Ну как тебе сказать, отношения плохие... Они же многие были учителями корейских школ — а у нас, у корейцев, принято учителей уважать. Поэтому мы к ним вроде бы так... Но вообще, мы их корейцами настоящими не считали, да и старики — говорили, чтобы с ними не водились, и жениться тоже чтоб не смели, как на русских. Ну, на русских-то, понятно, почему не хотели жениться, в Корею думали уехать, а вот этих материковских просто не любили...» [23].

Почти все информанты в ответ на вопрос о взаимоотношениях с группой «материковских корейцев» описывали эти отношения как негатив-

ные. Привилегированное положение последних и высокомерное отношение их к «местным жителям» — основные причины, по которым эти взаимоотношения были непростыми. Не следует забывать и о том, что в глазах местных корейцев «материковские» были представителями власти, отношение к которой было не всегда позитивным. Накал отчуждения, существовавший между данными группами, несмотря на давность лет, до сих пор явственно ощущается в воспоминаниях информантов.

После Второй мировой войны на Сахалине сформировалась большая корейская община. На протяжении десятилетий она постоянно составляла около пяти процентов от общего населения Сахалинской области. Основную группу этнических корейцев составляли выходцы из южной части Корейского полуострова, которые в период японского правления Южным Сахалином приехали на заработки или же были перемещены на остров в рамках трудовой мобилизации населения, объявленной японскими властями. После окончания военных действий и перехода Южного Сахалина и Курильских островов под управления Советского Союза, корейская община острова пополнилась за счёт наёмных рабочих из северной Кореи. Третьей группой, влившейся в корейскую диаспору Сахалина, стали корейцы, приехавшие из районов Средней Азии для работы на острове.

На первом этапе отношения между данными группами сахалинской корейской диаспоры временами носили весьма напряжённый характер. Группы сахалинских корейцев враждовали между собой в силу разных причин. Разный статус этих групп, их взаимоотношения с русским населением и советской администрацией, личная неприязнь — причины, которые вызывали вражду в среде сахалинской корейской общины. Постепенно враждебность утихла, и корейские группы слились, приняв общую идентичность, но отголоски прошлого, память о бывших конфликтах и обидах сохранились до наших дней.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 9526. Оп. 4. Д. 54.
2. ГИАСО (Государственный Исторический архив Сахалинской области). Ф. 171. Оп. 3. Д. 6. 113 л.
3. ГИАСО (Государственный Исторический архив Сахалинской области). Ф. 1-И. Оп. 1. Д. 4. 41 л.
4. ГИАСО (Государственный Исторический архив Сахалинской области). Ф. 53. Оп. 1. Д. 109. 103 л.
5. ГИАСО (Государственный Исторический архив Сахалинской области). Ф. П-4. Оп. 63. Д. 1. 108 л.
6. РГАСПИ (Российский Государственный архив Социально-политической истории). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1264. 9 л.

Библиография

1. Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 43—49.
2. Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 1993. 222 с.
3. Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940—1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 351 с.
4. Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев. В 3 книгах. К. 2. Интеграция и ассимиляция (1945—1990 гг.). Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2010. 336 с.
5. Кузин А.Т. Послевоенная вербовка северокорейских рабочих на промышленные предприятия Сахалинской области (1946—1960-е гг.) // Россия и АТР. 2010. № 3. С. 148—156.
6. Кузин А.Т. Трансформация гражданского статуса сахалинских корейцев // Власть. 2010. № 08. С. 75—78.
7. Кушхабиев А.В. Черкесская диаспора в арабских странах (XIX — XX вв.). Нальчик: ИИФЭ КБНЦ РАН, 1997. 226 с.
8. Пак Хен Чжу. Репортаж с Сахалина. Южно-Сахалинск: ЗАО «Файн Дизайн», 2004. 167 с.
9. Пальцев А.И. Менталитет и ценностные ориентации этнических общностей: (На примере субэтнуса сибиряков). Новосибирск, 2001. 140 с.
10. Подпечников В.Л. О репатриации японского населения с территории Южного Сахалина и Курильских островов // Вестник Сахалинского музея. 2003. № 10. С. 257—260.
11. Сопов А.В. Проблема этнического происхождения казачества и её современное прочтение. Майкоп: Изд-во МГТУ, 2006. 148 с.
12. Старовойтова Г.В. Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. СПб., 1999. 206 с.
13. Трегубова Д.Д. Субэтнические группы бурят в прошлом и настоящем. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2011. 180 с.
14. Ryang S. North Koreans in Japan: language, ideology, and identity. Boulder: Westview Press, 1997. 248 pp. (на англ. языке).
15. Хан Хе Ин. Сахалинханинквихваньльтулоссанпэчевапхосопыйчончхи: хебанху 1970 нёндэчунбанккачийьсахалинханинквихван умчигимыро (Политика привлечения и отказа от репатриации сахалинских корейцев: на примере движения за репатриацию после освобождения до середины 1970-х гг.) // Сахагёнгу (Исторические исследования). № 102. С. 157—198. Кор. яз.

Интервью

1. [А.], муж., 1951 г.р., п. Углезаводск, 01.02.2009.
2. [Д.], муж., 1952 г.р., г. Южно-Сахалинск, 12.04.2009.
3. [К.], жён., 1947 г.р., г. Южно-Сахалинск, 19.12.2009.
4. [Н.], муж., 1928 г.р., г. Ансан, 10.06.2010.
5. [Н.], муж., 1938 г.р., г. Ансан, 10.06.2010.
6. [С.], муж., 1943 г.р., г. Пусан, 17.06.2010.
7. [Т.], муж., 1930 г.р., г. Южно-Сахалинск, 03.08.2009.
8. [Т.], муж., 1933 г.р., г. Южно-Сахалинск, 19.03.2009.